

НОВИНКИ ◊ СОВРЕМЕННОСТИ ◊

Михаил Небогатов

ПЕРЕПЕЛКА

НОВИНКИ · СОВРЕМЕННОСТИ ·

Михаил Небогатов

ПЕРЕПЕЛКА

Стихотворения

Москва
«Современник»
1988

June

I

* * *

Зорьки первый мазок —
По макушке кедровой.
День означился новый —
И лучист, и высок.

Но порой небеса
Мраком зреют жестоко.
По всему, что высоко,
Бьет сильнее гроза!

* * *

Что-то спать этой ночью не хочется
В тихом доме, как будто пустом.
Синим дымом плывет одиночество
По-над белым бумажным листом.

Вдоль проспекта за дверью балконною
Виден лампочек дробный пунктир.
Сердце полнится грустью исконною,
Будто вдруг ты — один на весь мир.

Но уж близится зорька веселая,
Ну, а с ней одиночество — прочь!..
Летом всякая грусть-меланхолия
Коротка, как июньская ночь.

* * *

Обогнув тальник, полянку,
Не спеша бежать вперед,
Речка крутит, как шарманку,
Голубой водоворот.

И звенит под кручей гулко,
И поет на все лады
Музыкальная шкатулка
Той крутящейся воды!

Прозрачные сумерки летние
 Коснулись прибрежных плетней.
 Задумались ели столетние,
 Теснясь к огородам плотней.

Люблю я вот эту привольную
 Спокойную, строгую тишь,
 С какой теплотою невольною
 На мир задремавший глядишь!..

Осколком закатного золота
 Блеснула звезда вдалеке.
 Смеется задорно и молодо
 Ее отраженье в реке.

За желтой тесовой оградой
 Светлеет бревенчатый дом...
 Всю жизнь мою будет отрадой
 Мне добрая память о нем.

Свет, как всегда,
 Был молчалив,
 Но создавалось
 Ощущение,
 Что в гушу листьев
 Птичье пение
 Победно нес
 Его прилив!

В белой роще — новый дом,
Золотой, сосновый.
Выше — неба окоем
Темно-бирюзовый.

Струйка дыма над трубой.
На ограде — крынка.
Тишина. Уют лесной.
Меж стволов тропинка.

Чей же этот мирный дом,
Крепко в землю вросший?
Поселился, видно, в нем
Человек хороший.

Так и ждешь, что на крыльцо
Выйдет вдруг молодка,
Повернет к тебе лицо,
Улыбнется кротко.

— Заходите, — позовет, —
Отдохните малость... —
И как будто унесет
Всю твою усталость...

Коль недобрая душа
Здесь живет — досадно:
Больно роща хороша,
Празднична, нарядна.

Гонят стадо. Предзакатный час.
Чей-то голос кличет:
«Милка! Милка!»
А вдали,
Пыля на весь Барзас,
Тарахтит с горы сенокосилка.

Ветерок не пыль ко мне принес —
Шорох трав с дыханием медвяным.
Скоро, скоро жаркий сенокос!
Разбегутся копны по полянам.

Будут пахнуть травами лучи,
Ветры и застойные болота.
А на стенах — огоньки в ночи...
Праздничная русская работа!

Гроыхнуло гулким басом —
 В духоту, в дурманый зной
 Крупных капель переплясом
 Дождь ворвался озорной.

Ахнул тополь запыленный —
 Рад, что туча пролилась.
 Зашумел прибой зеленый,
 Каждым листиком смеясь.

По крылечкам, по заплатам,
 Будто он на них сердит,
 Лупит дождь косою и плотный,
 Легкой свежестью бодрит.

Вдруг за синим полукружьем
 Солнце взмыло. Жар и блеск.
 Детвора по теплым лужам
 Разбросала звонкий плеск!

На поле пала тень,
 Как дума на чело:
 Что значит этот день,
 Что есть добро и зло?

Зачем растет трава,
 Что никнет под косою?
 Зачем цветет, жива,
 Под солнцем и росой?

...И снова — синева
 И жаркий блеск в ответ:
 Чтоб новая трава
 Могла увидеть свет.

Чтоб дождь на ней блестел,
 Как искорка в очах,
 Кузнечик свистел
 И лютик не зачах.

Чтоб кто-то здесь прошел,
 Весь мир обнять готов,
 И под гуденье пчел
 Нарвал букет цветов!

Помню: конь трусит устало
 По дороге полевой.
 Я сижу в телеге старой,
 Свесив ноги, как большой.
 Едем всех, наверно, позже,
 Знать, уехали давно.
 Брат подергивает вожжи
 И покрикивает: — Н-но! —
 Чуть скрипит гужами Карька,
 Неторопоко семеня.
 И болтается дегтярка
 Сзади, сбоку от меня.
 Теплый вечер вроде пепла
 Сыплет сумрак по земле.
 Даже звездочка ослепла,
 Словно искорка в золе.
 Одному бы страшновато,
 Но, хотя и дальний путь,
 За спиной широкой брата
 Мне не боязно ничуть.
 Вспоминать не перестану,
 Как, тревогам всем назло,
 Я приник, прильнул к братану,
 Чую пот его, тепло.
 Вот опять он дернул локтем:
 — Н-но!..—
 Густеет сумрак-дым.
 Горьковато пахнет дегтем,
 Сладко — сеном молодым.

Когда с людьми испорчу отношенья,
 Когда в раздоре с кем-то,
 Не в ладу,
 Одно себе ищу я утешенье:
 К природе, словно к матери, иду.

И тихий клен, и чуткая березка
 Поймут, о чем душа моя болит.
 А светлая закатная полоска
 На завтра день хороший посулит.

Кто такой Иван Купала —
Ребятам не до того.
Искупать кого попало
В этот день важней всего!

Не дают дремать друг дружке.
— Хоп! — Плеснул и — наутек,
Сам весь мокрый, от макушки
До босых, чумазных ног.

Над поселком туча млела.
— Позабавься с нами! Ждем.—
Постояла, не стерпела —
Тоже хлынула дождем!

Лиса

* * *

Отгрохотав, гроза ушла на север.
Вновь свежий ветер, солнца мягкий свет.
Как остро, сладко пахнет алый клевер,
Что входит в силу, набирает цвет!

Лучится поле, блестками сверкая,
Прохладной, влажной свежести полно.
Ты приглядишь-ка, красота какая:
Все серебристо-красное оно!

А чтобы мир, который блещет ярко,
Еще был ярче, краше и нежней,
Над ним взметнулась радужная арка,
Горя соцветьем всех семи огней.

Как хорошо, как радостно до боли
Жить ощущеньем праздничным одним:
Неугасимо клеверное поле
С теплом лучей и с радугой над ним!

Вижу с поля, где роса еще, покой,
 Как над берегом таежным, за рекой
 Свет широко разливается, растет —
 Это небо цветом маковым цветет.

Так цветет оно, что облаку слегка
 Подрумянило, как яблоку, бока,
 Золотит электролиний провода,
 Ускользящих неведомо куда.

От зубчатого штакетника тайги
 Тень легла и затемнила полреки.
 Тень синее молчаливою водой,
 Лес синее — синева над синевой.

Только небо все светлее, все алей,
 Только в поле все теплее, веселей.
 От мать-мачехи, куда ни кинешь взгляд,
 Все желтым-желто, как будто от цыплят.

Вот и солнечный петух, задорен, смел,
 На штакетник на лесной легко взлетел.
 Так и кажется: недаром этот взлет,
 Вот сейчас петух побудку запоет!

Запоет он над тайгою, над рекой,
 Над землею, изумительной такой,
 И никто не удивится в этот миг,
 Слыша солнца торжествующего крик!

Дали в мареве. Блеклое небо
 Раскалилось почти добела.
 Веет жаром от спелого хлеба,
 Как в избе от печного чела.

Глушь. Безветрие.
 Птиц безголовье.
 Беспокойно проносится стриж...
 Только шорох поникших колосьев
 Нарушает полдневную тишь.

Вянут листья в березовом колке.
 Ярый зной продолжает палить.
 Еле слышится вздох перепелки —
 Безнадежный, безрадостный:
 «Пить!»

* * *

Надоело солнцу печь,
Ветру — жаром дуть.
День решил в тени прилечь,
Отдохнуть и — в путь.

В белой облачной чалме,
Взорам всем открыт,
День июльский на холме
Крепко, сладко спит.

Ничего не слышит он
Сквозь глубокий сон —
Лишь кузнечиков трезвон
С тишью в унисон...

В засуху

Шуршат хлеба,
Страдальчески вздыхая.
И жалобна по-детски
Их тоска,
Что нивы грудь,
Грудь матери сухая,
Не может дать
Ни капли молока.

* * *

На миг закрыла солнце мгла.
И вдалеке я грохот слышу...
Дождинки ломкая игла
Проткнуть попробовала крышу.

Уже готова ребятня
Бежать под дождь
С веселым визгом.
Но прошуршал он среди дня
Так скупое, короткое. Побрызгал.

И стих. И снова зной густой.
Свежее в воздухе не стало.
Лишь водосток журчит водой
Обманчиво и запоздало.

Перепелка

Опустело на проселке.
Сна глубокого пора.
Только голос перепелки
Не смолкает до утра.

Только ей одной забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

Тарахтя в пыли, с разбега
Зацепив прибрежный куст,
В речку въехала телега —
Брызги, шум и гальки хруст!

Солнце следом — на подмогу.
Мол, зачем напрасный гром?
В синей речке путь-дорогу
Устелю я серебром!

Пропахший травами и хвоей,
Порою мокрый от дождя,
Делюсь я радостью с женою,
Под вечер из лесу придя:

— Ну, поздравляй меня с удачей.
Хороший выдался денек.
Я нынче справился с задачей,
Гляди-ка, сколько сделал строк!

С природы все. Пока — наброски,
Так, разговор с самим собой.
Но штрих живой, пускай неброский,
Дороже выдумки любой.

Что видел, слышал — пригодится:
И всплески рыбы на реке,
И в лодке — стареньком корытце —
Мальчишка с удочкой в руке.

И переключка конских ботал,
И взлет тяжелый глухаря...
Неплохо, в общем, поработал,
Считай, что день прошел не зря.
— Ишь, поработал! —

Вижу, теща
Сейчас подпустит мне ежа.
Работать так куда, мол, проще,
На пень тетрадку положи.

Ну так и есть...— Нашел работу!
Сидеть на солнце, спину жечь.
Добро бы жердь прибил к заплоту,
Сметал бы стог, сложил бы печь.
А то — стихи. Да неужели
За это деньги платят вам?
Вот чудачки. Совсем сдурели,
Привыкли к разным пустякам...

Наутро тихо, без бахвальства,
Беру я гвозди, молоток
И — где по шляпкам,
Где по пальцам —
Такой там поднял стукоток!

...Готова новая ограда,
Светла, как летняя заря.
И сам я рад, и теща рада.
Смеется: — День прошел не зря.

Ягоды

Тени. Солнца блики.
На цветке — пчела...
Радостные вскрики:
— Вот еще! Нашла!..

С корня земляничка —
Не в пыли с лотка.
Капля-невеличка,
А уж как сладка!

В туюське б оставить —
Там не скрыло дна,
Да во рту растаять
Просится она...

Бор — зеленая обитель.
Словно сосны,
День высок.
— Митю видел?
Митю видел? —
Звонкий птичий голосок.

Кто такой он, этот Митя?
Чей, кому товарищ, брат?
Но, как в детстве:
— Видел, видел! —
Я ответить птичке рад.

Митя — друг ее, наверно.
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Мол, не видел ли его.

Работой радостной полна
Душа: я для печурки,
Вздымая тяжесть колуна,
Раскальваю чурки.

Удар — и чурка пополам!
К земле прижалась боком.
И, словно соты новых рам,
Медовым пахнет соком.

Растет поленница, растет...
Зимой не знать заботы —
Дыханьем лета в дом войдет
Тепло моей работы.

Голос в поле

Не знаю, что за птица,
Но до сих пор со мной
И вечер, весь в зарницах,
И голос птицы той.

Настойчиво, упрямо,
То громче, то слабей
Она все «Мама! Мама!»
Кричала средь полей.

Уже белесой дымкой
Вокруг роса легла,
А птица-невидимка
Умолкнуть не могла.

Уж неба панораму
Закрыла плотно ночь,
А ей, зовущей маму,
Никто не мог помочь.

Я привез...

Посетив места родные,
Что оттуда я привез?
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берез,
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого кряжа
Проплывают в Салаир.

Всколыхнул
Мне снова память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих заметь,
Где ребята ждут девчат,
Черный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудки островки.

Вновь увидел все дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру...

Край любимый, этой дани
Я не ждал, к тебе спеша.
Пусто в легком чемодане,
Но зато полна душа.

— Хорошо, наверно, быть поэтом,—
 Говорила дочка лесника.
 А сама задумчиво при этом
 Провожала взглядом облака.
 Только стихло грома грохотанье,
 И, спеша куда-то на восток,
 Облака меняли очертанья —
 Подгонял их свежий ветерок.
 Было хорошо не беспричинно
 Слышать рядом голос молодой...
 — Посмотрите, целая картина:
 Дом, река, деревья над водой.
 Вот мигнула звездочка над лесом,
 Месяц вышел — глаз не отвести...
 Медом пахнет клевер под навесом.
 Как все интересно!
 А в пути!
 На коне верхом, бывает, еду.
 Все деревья, кажется, родня.
 То шумят — ведут со мной беседу,
 То молчат — сердиты на меня.
 Вы гостить к нам ездите все летом,
 И зимой бы надо побывать...
 Хорошо, наверно, быть поэтом,—
 Повторила девушка опять.
 Что она под этим разумеет —
 Я не знаю. Но сомненья нет:
 Так природу чувствовать умеет
 Только тот, кто сам в душе поэт.

Полями ли шагаю,
 На лес ли засмотрюсь,
 Во всем я замечаю
 Задумчивость и грусть.

Томит молчанье стога,
 Но нет, не скажет он,
 Что думает дорога,
 О чем вздыхает клен.

Вдали закат пылает.
 И он не скажет мне,
 Чья радость догорает
 В его сухом огне.

Когда тепло на волоске,
 Когда дожди смывают просинь,
 Пускай тоску приносит осень —
 Не поддаюсь я той тоске.
 Пусть мир — как тусклое клише,
 Пусть лето выпито до донца —
 Неомраченный лучик солнца
 Уютно теплится в душе...

В глубоком кювете,
 Что лег через лог,
 Как память о лете,
 Лежит колосок.

Он хрупок и тонок,
 Промок от дождей —
 Забытый ребенок
 Осенних полей.

Судьба одиночек —
 Вздыхай да тужи.
 Грустит колосочек
 О золоте ржи,
 О теплой сушилке,
 О братьях своих...

Один на развилке
 Дорог полевых.

В предзимней серости и сырости
 О чем задумались поля?
 Что свежим травам, злакам — вырасти,
 Лишь вновь согреется земля...
 В предзимнем синем остром холоде
 О чем задумалась река?
 Что зеленеть в ней летней молодежи
 Берегового тальника...
 В предзимней стылости, усталости
 О чем задумался мой друг?
 О встречах юности. О старости.
 О вечной смене ливней, вьюг.
 О том, что, все сугробы-надолбы
 В пути к весне преодолев,
 Еще прожить на свете надо бы,
 Послушать новых дней напев.
 Послушать, внять с любовью кроткою,
 Понять душою, что к чему.
 И приобщить себя хоть ноткою
 К напеву звонкому тому.

Как глуха предзимняя околица
 В тусклом свете пасмурного дня!
 Сквозь подметки чувствуешь,
 Как колется
 Жесткая и острая стерня.

Ежатся березки в легком инее.
 Небо навалилось на дома,
 Где из труб дымки струятся синие,
 А в окошках мгла. Близка зима.

Но стукнется вечер над опушкой —
 И в огнях веселое село
 Под гармонь засветится частушкою
 Непогодной серости назло.

Дождик прошуршит, в кусты уляжется.
 Заблестит звезда, чиста, ясна.
 Глянешь в это небо — и покажется,
 Что совсем недалеко весна.

С утра в глазах рябят снежинки,
Штрихуют воздух, торопясь
Засыпать тропки и ложбинки
И оголенных веток вязь.

Сперва покров настолько тонок,
Так шубка снежная нежна,
Что ступит валенком ребенок —
Земля промерзлая видна.

Здесь шины след, там след копыта.
За всем попробуй усмотри!
Но снег упрямо, деловито
Летит и час, и два, и три...

И вот уж в белое затишье,
В простор сияющего дня
Легла, как первое двустийе,
Чуть подсиненная лыжня.

А снег летит. И нам приятен
Его полет. Вблизи, вдали
Все меньше, меньше темных пятен
На светлом облике земли!

Чуть рассвет серебрится несмелый —
Ясный взгляд из-под сумрачных век.
Непривычный для города —
Белый
Сердце радуется выпавший снег.

Все теснее толпа у трамвая,
И трамвай на ходу тяжелей.
Тут и там вереница сплошная
На работу идущих людей.

Папиросные яркие вспышки —
Словно искорки в темной реке.
Вон торопятся в школу детишки,
Кто с портфелем,
Кто с папкой в руке.

И снежинки ложатся на ворот
И сверкают холодным огнем.
Все шумней, многолюднее город,
Все светлее становится в нем.

Словно вовсе не свет на востоке
Прогоняет все тени с земли,
А живые людские потоки
Это утро с собой принесли!

Зимний вечер приходит в поселок,
В задремавшую рядом тайгу
Синевой у серебряных елок
На серебряно-белом снегу.
А когда над лесным частоколом
Загустеет закатная медь,
Все вокруг, что открыто и голо,
Начинает слегка розоветь.
Розоваты под снежною ватой
Лапы елок у низких ворот,
И дымок над трубой розоватый,
И в наносных холмах огород...
Вот в избе за сугробами где-то,
Где безмолвье и белая мгла,
Золотистая капелька света
Так приветно к себе позвала.
Вот за нею другую и третью
Холодеющий вечер зажег...
А мороз обжигает, как плетью,
И скрипит под санями снежок.
Даже красное в небе светило,
Тусклый блеск разбросав по лесам,
На морозе как будто застыло:
Поглядишь — и не больно глазам...

Вот они, зимы капризы,—
Жег мороз сильнее огня,
А сегодня днем с карнизов
Капли падают, звеня.

Что там — оттепель?
Ну, точно.
Вижу, выглянув в окно:
Под трубою водосточной —
Темно-серое пятно.

Мокро, тало
Всюду стало.
Снегопад — не снегопад:
Как-то нехотя и вяло
Хлопя редкие летят...

Не люблю зимы безволя,
Эту оттепель не в срок.
Я люблю снегов приволье,
Даль синееших дорог.

Я люблю снежинок танец —
Бодрый, смелый, озорной,
И веселый, как румянец,
Свет зари над белизной.

Любо мне зимы здоровье,
Чтоб мороз шагал в пимах,
Польхал горячей кровью
На обветренных щеках.

По душе мне свист метели,
Чтобы вихри, мчась вдогон,
Шелковисто шелестели
На сугробах до окон.

По душе в пути неблизком
Встреча с буйной кутерьмой,
Чтоб морозец был сибирским,
Чтоб зима была зимой.

* * *

С давних лет с природою
Мы дружим,
С той поры как, радостью влеком,
Полюбил я по июльским лужам
После ливня бегать босиком.
В день метельный,
В синий полдень мая,
Что всегда, всегда неповторим,
Мы, без слов друг друга понимая,
По душам о многом говорим.
Если мне печально или горько,
Нахожу поддержку у нее:
Лишь в окно заглянет
Утром зорька —
И светлей мое житье-бытье.
Если ж ей невесело от хмури,
От осенних обложных дождей,
Я пишу о солнечной лазури,
Посвятив написанное ей...
А вчера я ехал снежным полем,
Из окна автобуса смотря,
Как над белым
Мартовским раздольем
Заялась вечерняя заря.
И меня впервые перемена
В отношениях наших обожгла:
Как-то очень гордо и надменно
Та заря холодная цвела.
Показалось:
С облачных карнизов,

Полыхая красками, она
Посылала мне какой-то вызов,
Злой самовлюбленности полна.
Дескать, что ты
Во вселенской шири
Значишь по сравнению со мной?
Ты песчинка только
В этом мире,
Где сиять мне вечной красотой.
...Очень странно
Друга отчужденье.
Ну, а может,
Все как встарь у нас?
Может, кто-то был
Не в настроенье —
Я или природа — в этот час?

II

* * *

Апрель сорок первого года.
Тепло проводила родня.
Иная земля и погода,
Иные друзья у меня.
Нас мчал эшелон из Сибири.
И парни с рассветной зари
На горы, привольные шири
Смотрели, толпясь у двери.
В одежде пока еще штатской,
Но в чем-то армейцы уже,
Мы к будущей жизни солдатской
Все были готовы в душе...
Сперва, до предгорий Урала —
Ложбинки местами в снегу,
А там уже в лето вступала
Весна на зеленом лугу.
Когда ж украинские хаты
Блеснули своей белизной,
Послышались грома раскаты,
Был дождь почти летний. И зной.
Нам вслед ребятишки махали
И женщины в легких платках.
Ни тени тоски и печали —
Улыбки цвели на губах...
Сияло апрельское солнце.
И думать не думалось мне,
Что мирный наш поезд несется
Навстречу Великой войне...

Лето, 1941

Когда, прижимаясь к земле
Щекою, беспомощным телом,
Зажмуренный, словно во мгле,
Лежишь под воздушным обстрелом,—
Вся память твоя и душа
Пронизаны тем ощущеньем,
Тем чувством, что жизнь хороша
Любим своим кратким мгновеньем.

Любим, даже этим, когда
Вдыхаешь ты запах землицы,
И все, что прожиты, года —
Не зори, а только зарницы.
Так краток их издали блеск,
Мелькнули — не видно их боле.
А с неба — стремительный треск,
Он слит с ожиданием боли.

А может, не будет ее,
Все будет гораздо короче —
Кольнет только сердце твое
И весь ты — в бездонности ночи?
Мгновенна и жалость к себе,
И грусть о живущем мгновенна...
— Отбой! — донесется к тебе.
Приходишь в себя постепенно.
Колонна опять на ногах,
И «мессеров» как не бывало.
Все стихло. И только в висках
Гул крови, как после обвала.

И рад, несказанно ты рад,
Что смерть обошла стороною;
Что видишь далекий закат,
Хоть он и замедлен войною.

— Запевай! —
 Но молчим мы. Усталость тупая.
 — Стой! Налево! Ложись!
 По-пластунски вперед! —
 И ползем, задыхаясь
 И в рыхлом снегу утопая...
 Что за черт командир!
 На ученьях со света сживет...
 Зашагали опять.
 — Запевай! —
 И сдались мы — запели.
 Был настойчив наш ротный.
 Добиться умел своего...
 Ну, а главное то,
 Что в атаке спустя две недели
 В рост идущим под пулями
 Мы увидали его!

И потом лишь о нем
 Разговору и было
 Среди нас, уцелевших
 Под острым огнем ножевым:
 — Как там наш лейтенант?
 Он живой ли? Его не убило?..—
 Всем нам очень хотелось,
 Чтоб ротный остался живым.

Недвижны орудья и траки.
 Безмолвен исходный рубеж...
 И слышно острее до атаки,
 Как воздух предугранный свеж.

Снята маскировка с лафета.
 И ждешь среди глухой тишины:
 Сейчас ее вспорет ракета —
 Зловещая птица войны.

Едва рванулись мы за лог,
 Деревне маленькой навстречу,
 Вдруг — пулемет.
 Наш взвод залег...
 И слышу — дернуло за плечи.
 Но тут же громкое «Ура-а!»
 И вновь — вперед
 Что духу было,
 Туда, откуда немчура
 Очередями густо била.
 Вперед, вперед
 Сквозь жаркий шквал,
 Покуда с ног не сбит,
 Спешу ты!
 ...Потом
 Я вещмешок свой снял —
 В нем котелок,
 Насквозь прошитый.
 Сидел я в занятой избе,
 Разгоряченный и усталый.
 И стало вдруг не по себе
 От краткой мысли
 Запоздалой:
 Уже я был бы неживой,
 Чуть-чуть пониже пуля брызги —
 Она прошла над головой
 Всего на полвершка
 От жизни...

Мы наступали дружно, смело.
 И был рубеж немецкий взят...
 Гигантской кузницей гремела
 Окрестность эта час назад.
 Железный лом кругом, воронки
 И распростертые тела...
 Вновь с болью в сердце похоронки
 Писать — есть писарю дела...
 Был танк и тот не тверже воска
 Здесь, в круговерти огневой.
 И вот где чудо-то:
 Березка
 Стоит с нетронутой листвою!
 Стоит, как будто так и надо,
 Спокойно новой ждет поры.
 И ни царапины, ни чада
 На белизне ее коры.

О, сладкое слово
 Команды: «Привал!»
 Прилег — и готово,
 И в сон — наповал.

Но это другие.
 Но это не я.
 В минуты такие
 Мне нет забытья.

Смыкаю упрямо
 Глаза. Ни к чему!
 Мне видится мама
 В родимом дому.

Ее полушалка
 Вдыхаю тепло...
 Себя мне не жалко,
 Пусть мне тяжело.

Ведь я же со взводом
 И с ротой родной.
 А ей каково там,
 Старушке, одной.

Мучительно
 Снова
 Представить свой дом...
 О, сладкое слово -
 Команды: «Подъем!»

Он на ночь здесь.
 Хозяйка молодая...
 Прилег, усталый,
 В угол на шинель.
 Подушку взял,
 Обидеть не желая,
 Не отказался (роскошь!)
 Брать постель.

Не спят, вздыхают оба
 До рассвета,
 Она в кровати,
 Он — в своем углу.
 С ней рядом муж,
 Хотя на войне он где-то,
 А с ним — жена,
 Что ждет его в тылу...

Я видел раз воздушный бой.
 От «ястребков» и «мессершмиттов»
 Над той — немецкой — стороной
 Гудело небо басовито.
 Атака в лоб, удары в бок —
 Смешалось все в круженье лютом...
 Вот задымился «ястребок» —
 И летчик прыгнул с парашютом.
 Сейчас, как хищник, «мессершмитт»
 Мелькнет вблизи зловещей тенью —
 Вмиг будет пулями прошит
 Пилот, что стал живой мишенью...
 Но вижу: друга самолет,
 В крутой стремительности воя,
 На помощь сбитому идет,
 Берет его в кольцо живое!
 Прошла минута, может, две —
 Теперь фашист его не косит:
 Широкий купол в синеве
 Июльским ветром к нам относит!
 Все ниже, к нам на колею,
 Где мы лежим, где чад над лугом.
 А тот, кто спас его в бою,
 Все ходит в небе —
 Круг за кругом.

Мы жили с весны на степном полигоне.
 Курсантами были. И вот —
 По звездочке новой на каждом погоне.
 У каждого должен быть взвод.
 Осталась казарма с постом у порога,
 Далек ее строгий уют.
 Дорога, дорога...
 А в сердце тревога:
 «Что будет там — ранят, убьют?»
 Прорвались машины до нужной стоянки.
 Затихли моторы. Слезай!
 Выходит майор пожилой из землянки.
 — Передний, товарищи, край.—
 Сказал так, наверно — одним озабочен,
 Лишь глянув на нашу семью:
 Мол, парни что надо, но молоды очень,
 Не струсят ли в первом бою?
 Вот начал знакомство. Беседы недолги.
 Майор все вниманье напряг.
 Спросил он у друга:
 — Откуда ты?
 — С Волги.
 — А ты? — у меня.
 — Сибиряк.—
 Задумчиво он портупею поправил.
 — Тебе... — помолчал офицер.
 И твердо последнюю точку поставил:—
 Дадим тебе взвод ПТР...—
 Не сразу слова его стали понятны,
 Что дело совсем не во мне,
 А в тех земляках моих,
 Кто многократно
 Прославил Сибирь на войне.

Год сорок третий. Госпиталь в Боржоми.
 Глаза откроешь: в окнах — стены гор...
 Как мачты, сосны в утренней истоме.
 Внизу — Кура, кизилковый узор.

В палате белой, будто в отчем доме,
 Покой и свет. И тихий разговор...
 Гром самолетный. И при этом громе
 Под койку лезет сумрачный майор.

Ему бомбежек чуждаются раскаты.
 Он весь изранен и контужен был.
 Никто не скажет: мол, зачем, куда ты?
 В нем ужас тот доныне не остыл...

На нас не гимнастерки, а халаты.
 Но как поверить: здесь — не фронт, а тыл?..

Он помнит то давнее лето,
 Что буйно цвело у окна.
 Был громом в тиши сельсовета
 Звонок телефонный: — Война!..

И в голос все бабы завывали,
 Детишки испуганно — в крик...
 А утром — лишь облако пыли,
 Кормильцев увез грузовик.

Не думал он, пахарь, когда-то
 В своей полевой тишине,
 Что в жесткой шинели солдата
 Пройдет по великой войне.

Доныне все видится-снится,
 Как «тигры», один к одному,
 Идут, подминая пшеницу,
 Как будто идут по нему...

Рано поколенью моему
 Испытанья выпали на долю:
 Жизни путь начать в огне, в дыму
 По насквозь простреленному полю...
 Как ни тяжело было на войне,
 Как мы там ни мучились, страдая,
 Дорого навек то время мне,
 Потому что молод был тогда я.

Памяти брата Григория

1

Детьми судьба их обделила.
 А тут и старость в свой черед...
 И до чего же любо-мило,
 Когда племянник вдруг зайдет.
 Вот и сегодня полной чашей
 Его опять встречает стол.
 — Ты по пути, наверно, Саша?
 — Нет. Попроведывать пришел.
 Как жизнь-то?
 — Лучше всех, пожалуй,—
 Хозяин весело в ответ.—
 Живем, крихтим, скрипим помалу.
 Других у нас занятий нет.—
 Но в грустноватом настроенье
 Из-за стола поднялся он,
 Взял и поставил на колени
 Трофей войны — аккордеон.

2

И была торжественность в моменте:
 Голову склонив, прикрыв глаза,
 Слушал фронтовик, как в инструменте
 Возникали жизни голоса.
 Так уже бывало не впервые:
 Забывал племянника, жену,
 Помнил лишь дороги фронтовые,
 Долгую, тяжелую войну.

Помнил, как военным первым летом
Там, где не смолкал
И гром, и свист,
Был фашист —
Секрета нету в этом —
И силен, и весел, и форсист.
Как, столкнув бойцов
Под яр, в болотце,
Рядом, в нашем занятом селе,
Гоготали немцы у колодца,
От разбойных дел навеселе.
И всего больше в той печали
Было для оставшихся в живых,
Как фашисты во дворах играли
На своих гармониках губных.
Раздражая, душу надрывая,
Будто наждаком ее скребя,
Заливалась музыка чужая,
Точно где-то дома у себя.
Помнил, как всего одним снарядом,
Встав перед последнею межой,
С ненавистью бил по наглым гадам,
По занудной музыке чужой!
Вы хотели русских взять нахрапом?
Получайте!..
Взрыв — и тишина.
Словно им заткнули пасти кляпом —
Ни одна гармошка не слышна!
Но крепка была фашистов сила
В сорок первом.
Шла и шла вперед.
Все живое на пути косила.
Где он, орудийный твой расчет?
Весь уложен...
Сам ты выжил чудом.
Эх, поля, чужие и свои!

Сколько не вернулось нас оттуда,
Скольких искромсали нас бои...
Да и ночи, месяцы и годы,
Вы тянулись медленной арбой.
Вы ползли, но Родины невзгоды
Оставляли в прошлом, за собой.
Вот уже в немецкое предместье
Наши танки врезались, пыля.
Вот уж наше русское возмездье —
Над тобой, германская земля!..
И однажды майским синим утром
Шустрый батарец Ерофей
Новенький,
Сверкавший перламутром,
Притащил комбату своей трофеей.
Осторожно (очень бережливый)
Он открыл футляр, как чемодан.
— Посмотри,
Какой струмент красивый.
На, играй, товарищ капитан!..
И, затишье краткое наруша,
Зазвенел мотив родной, простой:
Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой...
Вспомнились любимые мотивы:
Выплывают Разина челны...
Заиграли звуки-переливы
Про Иртыш, про плеск его волны...
А когда ударили салюты
В честь Победы — вспыхнули меха
Золотом. Счастливые минуты!
И была та музыка лиха!
Пели и ребята, и девочки.
Песня к солнцу,
К миру всех звала.
Пели: помирать нам рановато,

Дома есть у нас еще дела!
Побросав на землю сумки, ранцы,
Зная точно:
Гитлеру — капут,
Из союзных армий иностранцы
Слушали, как русские поют...

3

— Ну, все. Небось вам надоело?
— Нет, дядя Гриша, ты — талант.
Не просто любишь это дело,
А настоящий музыкант!
— До музыкантов далеко мне.
Они, сам знаешь, на виду.
А я лишь так... Войну припомню,
Возьму — и душу отведу...

Луна

В эту сказку зимнюю влюбленный,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумленно:
— Ах, какая славная луна! —
И с чего — не знаю, только снова
Вспомнил ночь далекую одну...
В тишине, нахмурившись сурово,
Проклинали тихо мы луну.
Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И — плохи дела.
Под лунной мы все — как на ладони.
Расснялась глупо. Предала!
...И хотя, проделав путь не близкий,
Жители обители земной
Побывали там, на лунном диске,
Он все тот же — мирный и родной.
Пусть никто его не проклинает,
Пусть всегда, в любые времена,
Чей-то голос тихо восклицает:
— Ах, какая славная луна!

Когда, бывало, в обороне
 Нам не хватало больше сил,
 И жизнь, и смерть —
 В одном патроне,
 А враг атакою грозил,
 Не знали мы минуты краше —
 Услышать сзади слитный гром.
 — Ребята, танки!
 Танки наши!
 Вон показались над бугром! —
 Навстречу им снаряды выли,
 Но танки шли, огнем слепя.
 Все сокрушали, все давили,
 Все подминали под себя!
 И были рады мы безмерно.
 В траву окурок оброня,
 Я думал гордо:
 «Есть, наверно,
 На них кузнецкая броня!»

Ночь. Метель укрыла город.
 Только ветра буйный бег.
 Снег летит в лицо, за ворот,
 Залепил ресницы снег.

Ты промерз, устал в дороге
 И мечтаешь об одном —
 О родном своем пороге
 В снежном городе ночном.

И какое это счастье —
 За углом, где так темно,
 Сквозь метельное ненастье
 Увидать свое окно!

Свет горит, и в ярком блеске,
 Где кружится, вьется снег,
 Силуэт на занавеске —
 Ждет любимый человек.

И, растроганный немножко,
 В кутерьме до самых крыш,
 Ты на светлое окошко,
 Тихо радуясь, глядишь.

Вспоминаешь, как до дрожи
 Стыл ночами на войне,
 Ничего не знал дорожке
 Света мирного в окне.

В небе сумрачном, тревожном
Бились всполохи ракет,
И казался невозможным
Этот милый теплый свет...

В разлив

Парк весенний затоплен ручьями.
Здесь не скоро оттает земля...
Оголенные ветви штыками
Ощетинили все тополя.

Тускло светятся волны-накаты
Темной ночью при робкой звезде.
Так и кажется: это солдаты
Наступают по пояс в воде.

Она любовь другим дарила —
Был муж на фронте, так далек.
— Война все спишет! — говорила
В ответ на чей-нибудь упрек.

И доставала
Спирт и сало
Ему, любовнику тех лет...
Война-то, может, и списала,
А вдовы всех погибших — нет.

Могут посчитать,
Что ловим блох мы,
Говоря об этом в сотый раз:
У артистов —
Битловские лохмы,
А ведь фильм-то про войну,
Про нас.

Пусть играешь
Маленькую рольку,
Все — до стрижки! —
Правдой быть должно.
«Полубокс» любили мы
И «польку»,
А не патлы эти, что в кино.

Один почет
Всем, бурей опаленным.
Народ в расчет
И тех солдат берет,
Кто в самом малом
Пункте населенном
К большой Победе
Сделал шаг вперед.

Друг фронтовой!
Не дали нам раненья
Среди берлинских
Воевать руин,
А все ж в душе
Такое ощущение,
Как будто тоже
Брали мы Берлин.

III

Откуда начинается Россия?
Одни поэты пишут: от села,
От дедовской околицы.
Другие:
От заводской заставы, мол, пошла.

Не знаю я, найду ль единоверца,
Но верю в убеждение свое:
Россия начинается
От сердца,
С рождения влюбленного в нее.

В поэзии готов стоять горой
 За то, чтоб быть всегда
 Самим собою,
 Чтоб за меня лирический герой
 Не щеголял придуманной судьбою.

Свою судьбу — и радость и беду —
 Вверяю я стихам, что встали строем.
 Такой, как есть, к читателям иду,
 Не прячась за лирическим героем.

А. Т. Твардовскому

Как-то раз, простой и свойский,
 Добрый, видно по всему,
 Петр Иванович Замоийский
 Дал записку нам к нему.

Помню радость, счастье наше,
 Той записки лад и склад:
 «Дорогой,— в ней было,— Саша!
 Посмотри стихи ребят.

Оба парня — из Сибири.
 Мне понравились они...
 Может, что-то в «Новом мире»
 Напечатаешь? Взгляни».

Голова ходила кругом.
 Да недолог юный пыл:
 Был поэт кому-то другом,
 А для нас — великим был.

Серебрились солнца блики...
 Мы раздумались в пути —
 И к тому, кто был великим,
 Не осмелились пойти...

Обидно мне за простоту.
 Иной в презрении ретивом
 Ее обходит за версту
 И называет примитивом.
 За сложность ратует такой,
 В нее лишь верит непреложно,
 Не зная истины простой,
 Что эта сложность часто ложна.
 Абстракций красочных потоп
 Увидят «тонкие» эстеты
 И начинают морщить лоб,
 Искать какие-то секреты.
 Мол, сразу видно мастерство.
 Тут что-то есть, хоть непонятно...
 Да бросьте! Нет же ничего,
 Одни бессмысленные пятна.
 Стихи ли модные прочтут,
 Где даже формулы меж строчек,
 И снова ищут смысла тут,
 В бреде без запятых и точек...
 Увы, у многих нет родства,
 Нет дружбы с простотой природной,
 Не с той, что хуже воровства,
 А с той — высокой, благородной.
 О простота! С ней Пушкин рос.
 Союз их крепок и надежен.
 Она — как скромный свет берез
 И вместе с тем — как блеск из ножен!

Привыкаем за жизнь ко всему —
 К зорьке утренней,
 К зорьке закатной.
 Но никак не могу к одному
 Я привыкнуть —
 К странице печатной.

Всякий раз, как подарок, беру
 Лист газетный,
 Журнал, альманах ли,
 Где слова, что вверял я перу,
 Типографскою краской пропахли.

Я люблю, как всякий русский:
 Если лето, так уж зной,
 Если снег, так чистый, хрусткий,
 Если дождь, так проливной.

Вечер, день ли на примете,
 Вьюги шорох, листьев медь —
 Все должно на этом свете
 Лишь свое лицо иметь.

Давно к обложке кто-то аккуратно
 Приклеил чистый форменный листок,
 Где говорится коротко и внятно,
 Чтоб возвращалась книга
 В должный срок.
 Напрасный труд: пуста наклейка эта.
 На ней один лишь номер.
 Первый. Мой.
 И горько мне, обидно за поэта
 И за тебя, читатель дорогой.
 Все дни с утра полна библиотека.
 Неужто нет любителей стихов?..
 Вы обошли не книгу —
 Человека,
 Который другом вашим стать готов.
 Он может вас влюбить в земное диво —
 В поля, в околки, в золото дубрав.
 А вы трясете ворох детектива,
 Поэзию на чтиво променяв...

Нет ничего безликого на свете,
На всем своя особая печать.
Невежество узнаешь по примете:
Оно безмерно любит поучать.

А у величья скромное обличье —
На нем морщины черного труда.
И поучать не станет нас величье,
Лишь дать совет решится иногда.

«Рано встала, да мало напряла»,—
Поговорка у мамы была,
Если за день какой-то, бывало,
Не успеет все сделать дела...

Вот и в жизни моей,
И в работе
Не свершенного —
Прорва, напасть,
Как ни бейся все время
В заботе —
Раньше встать и побольше напрясть.

Концерт литературно-музыкальный.
 По радио стихи мои звучат —
 Из давних дней,
 Из жизни беспечальной,
 Где не копил еще
 Военный чад.

Представил, что меня
 Уж нет на свете,
 Что травка лишь
 Колышется, шурша,
 Но кто-то где-то
 Слышит строчки эти —
 И в нем живет, живет
 Моя душа.

И я имел когда-то псевдоним.
 Однажды,
 Предложив стихи газете,
 Я подписался:
 Ключевой Вадим.
 Как хорошо слова звучали эти!..

Фамилии отцовской изменил! —
 Винил себя потом,
 Газету спрятав.
 С чего Вадим, когда ты
 Михаил!
 Чем хуже Ключевого —
 Небогатов!

Творцы картин, симфоний, книг ли —
 Все эти люди среди нас.
 И мы настолько к ним привыкли,
 Что мало ценим их подчас.

Заслуги близких не в новинку,
 Теплей о предках говорим:
 Как счастлив был, кто видел Глинку,
 Встречался с Пушкиным, с Толстым.

Вот так, грустя над «Тихим Доном»
 Иль шуткам Теркина смеясь,
 Не раз со вздохом затаенным
 Потомок скажет и про нас:

Мол, были некогда счастливы,
 С кем шел бок о бок до конца
 И житель Вешенской станицы,
 И автор «Книги про бойца»...

Жил человек... Ну, чем не диво:
 Все что-то пишет, ночь не спит.
 То улыбается счастливо,
 То сам с собою говорит.
 Жил, как чудак, и умер так:
 Среди исписанных бумаг.
 Не всеми признанный когда-то,
 Тот человек для нас велик.
 Его труды храним мы свято,
 Он был творцом бесценных книг...
 Вот и сейчас, наверно, где-то
 В селе иль в городе каком
 Не спит до самого рассвета
 Юнец, прославшийся чудачком.
 Он тоже может стать великим,
 Коль демагоги и ханжи
 Его не сделают безликим
 Жрецом парадности и лжи.

Пушкин — наше небо. Все под ним.
С тем, что мы имеем и умеем —
С маленьким багажником своим
Смотрим в это небо и нееем.

А вдали и рощи и холмы
Манят нас.
И был бы путь несносен,
Если б не надеялись и мы
На свою
На Болдинскую осень.

Бывает состояние души
Какое-то почти необъяснимое,
Когда тебе все люди хороши
И все милы,
Особенно — любимая.

И в этот миг душевной высоты —
К подруге нежность
Чувствуешь до боли ты...
Та нежность —
Словно свежие цветы,
Что чистою водою
Щедро политы.

* * *

Что мне горы бесценного злата,
Что, как в песне, мне реки вина.
Повстречался с тобою когда-то —
И душа тем богатством полна.

Многолюдье бы стало пустыней,
Если б не было в мире тебя,
День весенний, лучистый и синий,
Потускнел бы, в ненастье скорбя.

Но на самом холодном рассвете
Мне теплее от мысли одной,
Что ты есть, что живешь ты на свете,
И не где-то, а рядом со мной.

* * *

Когда ты спишь,
Мне грустно почему-то,
Как будто далеко ты от меня.
Проходит за минутою минута,
Тоскливое молчание храня.

И так услышать
Голос твой мне надо,
И так сильна
В душе моей гроза,
Что ты и впрямь
От пристального взгляда
Приоткрываешь
Сонные глаза...

Тебя за то благодарю,
Что полон мир
Большим значением,
Что я навстречу январю
Иду с весенним ощущеньем.

За то, что доброе творю,
Что незнаком
Я с черной злобой,
Что не кичусь своей особой,
Благодарю, благодарю.

Смолоду друг друга не жалели.
Принимая злой и гордый вид,
Мучились, бывало, по неделе
От случайных маленьких обид.

Ныне нас не разольешь водою.
Вот когда помолодеть бы вновь...
Очень жаль,
Что не одной тропюю
В жизнь вступают
Мудрость и любовь.

* * *

Если далеко мы
Друг от друга,—
Пыль дорог меж нами
Или наст,—
В час душевной боли,
В час недуга,
Знаю: сердце сердцу
Весть подаст...

Вот опять
Сдержанье не в силах вздоха.
Так тоскливо,
Так не по себе.
Не пойму и сам,
С чего мне плохо.
Видно, плохо в этот миг
Тебе.

Счастливая

Ее нельзя назвать красивой,
Но так и светится она
И чувствует себя счастливой —
Все оттого, что влюблена.
Иная слезы льет в подушку,
А ей легко:
Есть в мире тот,
Кто лишь ее,
Для всех дурнушку,
Своею милою зовет.

Опять в саду цветет сирень...
 Друзья! Мое вам пожеланье:
 С любимой каждый новый день
 Встречать,
 Как первый день свиданья;

Не знать до старости разлук,
 Оберегать сердца от скуки
 И так ценить своих подруг,
 Как будто завтра —
 День разлуки.

Привык я к блеску площадей,
 К асфальту этому, к трамваю
 И все же в сутолоке дней
 Иных дорог не забываю.
 Большая радость — пронести
 Сквозь все заботы и тревоги
 Любовь к отцовскому пути,
 К простой проселочной дороге.
 Один ее знакомый вид
 С тысячелетним прахом-пылью
 Так много сердцу говорит,
 Такою русской веет былью...
 Она ползет среди полей
 То в черноземе, то в суглинке.
 Темнеют трещины на ней,
 Как на родном лице морщинки.
 Не знали деды и отцы
 Про мостовые и панели...
 Зимой звенели бубенцы,
 А кандалы весь год звенели...
 В глухое время, в дни невзгод
 С мечтой о светлых куцах ря
 Гудел печально крестный ход,
 Хмельному попику внимая.
 Ступали лапти в эту пыль
 И кривобокие обувки.
 Стучал здесь посох и костыль,
 И плач звучал, и прибаутки.
 Как шрам глубокий — колея...
 Тут, по репейнику густому,

Тень партизанского ружья
Скользнула в знойную истому.
Здесь был проселкам поворот,
И мы просторы увидали.
Отсюда ввысь
И вдаль, вперед
Прошли все наши магистрали.

Русский поклон

Случилось то в селе далеком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком —
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое —
Сады в черемушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я —
Здесь неизвестно никому.
И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.
Иду. Старушка мне навстречу:
И вот опять — поклон земной.
Мол, кто б ты ни был, человеке,
Живи и здравствуй, мой родной.
И вроде больше стало света,
И зацвели сады пышней
От задушевного привета
Проживших долгий век людей.
Запомнив их простые лица,
Я шел и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»
Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой —
Душа российского народа,
Его характер золотой.

Звучанье песен старых —
Звон капели,
Далекой нашей юности прибой,
Когда без микрофонов
Славно пели,
Не видя телекамер пред собой.

Любимые и милые мотивы!
Звучат они,
По-прежнему близки.
Опять с певцом
Вы молоды, красивы.
А оборвется песня —
Старики.

Где машин монотонные звуки
И в витринах от солнца огни,
Через многие годы разлуки
Повстречались случайно они,
— Здравствуй! — Здравствуй! —
И радость плеснулась,
Засветилась в глазах огоньком.
Что-то давнее в сердце проснулось,
Позабыли, что люди кругом.
Нет, никто бы не мог помешать им,
Только каждый
Вдруг вспомнил семью
И лишь долгим и теплым пожатием
Тихо выразил нежность свою.
— Как живешь?
— Да уж, видишь, седая...
Помаленьку живу, ничего.—
«Для меня ты всегда молодая!» —
Прочитала во взгляде его.
И тотчас же ответила взглядом:
«Помню, помню далекие дни!..»
Словно парень и девушка,
Рядом
Как-то робко стояли они.
Их толкали, и птицы гаддели,
И визжали вблизи тормоза.
А они все стояли, глядели,
Все глядели друг другу в глаза.
И была эта радость печальной,
Потому что, друг другу сродни,
Благодарные встрече случайной,
Вновь надолго прощались они.

* * *

Спроси у друга, у родни —
Никто доподлинно не знает,
В какие годы или дни
Жизнь на учет нас принимает.
Все помыслы и все дела,
Победы, срывы, жар в работе,
Борьба в тебе добра и зла —
Все, все у жизни на учете.
А снимет — вот тогда беда:
Не будешь даже на примете,
Хоть, может быть, еще года
Ты прокоптишь на белом свете...
Гори, душа!
Гори сильней!
Чтоб неудача нас не смяла,
Чтоб до последних лет и дней
Нас жизнь
С учета не снимала...

Время

Как быстротечна времени река!
Как безгранична —
Нет конца ей, края!
Часы, и дни, и годы, и века
Уносит та река, в себя вбирая...
Твое письмо получит адресат,
А уж оно — посланье из былого.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок
За словом слово.
В них весть о чем-то,
Что уже прошло,
И настроенье то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты, —
Все прошедшим стало...
Читает добрый друг твое письмо,
И невдомек ему в минуты эти,
Что время с ним беседует само
О том,
Как мимолетно все на свете...

Насильно замуж выдали ее.
Любила не его — совсем другого...
На муже вымещала зло свое.
А он терпел. Не знал пути иного.

Прошла их жизнь, ничем не веселя.
Стал плох старик. Отходит.
Дышит глухо...
— Я тут тебе сварила киселя,—
Сказала нерешительно старуха.

— Нет, не хочу...—
Кисель ему постыл.
Но помолчал и — тихо:
— Дай немного...—
И было ясно: он ее простил,
За все простил
У смертного порога.

Есть видимость цветения,
А поглядишь на свет:
Красивое растение —
Обычный пустоцвет.

Есть видимость поэзии,
Но острый ум, как нож,
Пронзит все строчки резвые —
И в них проступит ложь.

Есть зло, добру подобное,
Но время лоск сотрет —
Увидишь только злобное,
Холодное, как лед.

И есть добро, похожее
На зло. Но жизнь и там
Проявит все хорошее,
Расставит по местам.

Советов поучительных
Не дам. Не обессудь.
Я сам ищу мучительно,
Где видимость, где суть.

О чем-то мне подумалось когда-то,
 И, если мысль заветною была,
 Она со мной до самого заката
 Останется, по-прежнему светла.
 Среди других привычной и желанной
 Всю жизнь она идет со мной вперед,
 Хоть, может,
 Интерес свой перевозданный
 Давно уж потеряла. А живет...
 Иное — чувства. Чаше их утрата.
 Не все из них проносим сквозь года.
 Всю душу всколыхнувшие когда-то,
 Сегодня вдруг
 Исчезли без следа.
 Пускай ты весь изводишься от жажды
 Вчерашних бурь,
 Волнений и тревог,
 Но чувства, пережитые однажды,
 Не знают к нам из прошлого дорог.
 Еще вчера и горячи, и колки,
 Они тебя тревожили всего,
 А ныне —
 Как холодные осколки,
 Что вынуты из сердца твоего...

Говорят, унижает, мол, жалость.
 Унижать — не в натуре моей.
 Только стал замечать я под старость:
 Почему-то мне жалко людей...
 Вот идет семенящей походкой
 Очень старый седой человек.
 Всей согбенной фигурой кроткой
 Потверждает: кончается век.
 По ночам ему жутко, тревожно.
 Сон пугает, по векам скользая...
 И ничем тут помочь невозможно,
 Ничего тут поделывать нельзя...
 Вот девочка — живая фиалка,
 В целый мир и в себя влюблена.
 И ее мне, веселую, жалко.
 Как беспечно смеется она!
 Нынче юность
 Ей щеки румянит,
 Золотыми мечтами цветет.
 Но мелькнет этот цвет
 И увянет
 В суете повседневных забот.
 Вызывает внезапную жалость
 Чуть приметная малость подчас:
 Беззащитность, несмелость, усталость,
 Поза, жест, выражение глаз.
 Сам, бывает, страдаю,
 И все же
 Мне сдается — другому трудней.
 Эта жалость на нежность похожа,
 Что-то очень щемящее в ней...

Странная натура у меня:
То, что происходит в настоящем,
Видит все из будущего дня,
Где-то там, в былом уже стоящим.
Сын приехал. Миг неповторим.
Обнимаю ласково за плечи.
За столом сидим и говорим,
Бесконечно радуемся встрече.
Все стараюсь в памяти сберечь:
Голос, взгляд, натруженные руки...
Сам себе часы счастливых встреч
Отравляю мыслью о разлуке.
Знаю: все останется в былом.
Знаю, что на будущей неделе
Вспомню, как сидели за столом,
Как в глаза
Друг другу мы глядели.
Как вертелась ложечка, звеня,
Плыл дымок и вспыхивала спичка...
Странная привычка у меня.
Очень даже горькая привычка.

В юности не знал ты никогда
Чувства одиночества глухого.
Друг запропастился — не беда.
Без него не скучно, право слово.
Быть с самим собой наедине
Тягостным нисколько не казалось.
Хорошо, бывало, в тишине
Думалось о чем-то и мечталось.
Не было унылой пустоты,
Находилось что-то
В каждом миге —
Был один не одиноким ты,
То с тобою музыка, то книги...
Ныне коленкор совсем иной.
Тяжко одному,
Как с грузной ношей.
Надо, чтобы кто-то был с тобой —
Сын, жена
Иль просто друг хороший.
Кончишь труд —
Душа кого-то ждет.
Так томишься —
Места не находишь.
Очень одиночество гнетет!
Друг мой,
Что так долго не заходишь?

Утро — берег, откуда отчалим,
Вечер — берег, где кончится путь,
Где мы радостям нашим, печалям
Устояться дадим, отдохнуть.
Я хотел бы, свой плот направляя
По реке наступившего дня,
Чтоб погода была штормовая,
Чтоб несло и кружило меня.
В этой вечно текущей дороге
Не нужна мне спокойная гладь,
Пусть людские заботы, тревоги
Не дают ни на миг задремать!
Пусть работают сердце и руки,
Забывая про отдых в пути,
Чтоб у тихой вечерней излуки
Мог спокойно на берег сойти.

Красноречивых люди уважают.
И часто грубовато, напрямик,
С восторгом удивленье выражают:
Как хорошо подвешен, мол, язык!..

Но иногда во мне противоречье,
С которым я не в силах совладать:
А может быть, иное красноречье —
Привычка суть пустую прикрывать?

Где дать бы волю чувствам человеческим,
Пожать бы руку, взглядом ли согреть,
Таким холодным блещет красноречьем,
Что просто в тягость слушать и смотреть.

Устанешь от словесного потока —
И радостно, мой друг, побыть в тиши,
Где так порой значительно, глубоко
Немое красноречие души.

Это мнение, мы знаем, не ново:
 Дескать, скучно бывает,
 Когда
 Понимаем друг друга без слова
 И сближаемся мы без труда.
 Дескать, лучше, стократ интересней,
 Коль несхожие люди сошлись —
 Чтобы разные думы и песни,
 Чтобы разные взгляды на жизнь...
 Но тружусь я с надеждой одною,
 Одного утешенья ишу:
 Должен кто-нибудь вместе со мною
 Загрустить, если я загрущу.
 Не хочу недоверьем обидеть
 Тех, с кем радость работы делю:
 Должен кто-то любить, ненавидеть
 То, что я ненавижу, люблю.
 Должен кто-то моими глазами
 Видеть мир, окружающий нас,—
 Облака над полями, лесами,
 И веселого дождика пляс,
 И небесной дуги самоцветы
 В зеркалах успокоенных луж...
 Для кого бы творили поэты,
 Если б не было родственных душ?

Я рос в семье, где добывали
 Насущный хлеб своим горбом,
 Где, помню, до свету вставали
 При звезд мерцанье голубом.
 И через времени завесу
 Все вижу, вижу я вдали:
 Отца недвижимого из лесу
 Во двор на дровнях привезли...
 Согнула мать беда-кручина,
 Нужда вошла под отчий кров.
 И на меня, как на мужчину,
 Лег труд отцовский — пила дров.
 О, как завидовал я Славке,
 Дружку,— он в первый класс пошел!
 Я из окна, присев на лавке,
 Смотрел печально — бос и гол.
 Под вечер он в дыму метели
 Скрипел пимами во дворе.
 И допоздна мы с ним смотрели
 Картинки в новом букваре...
 А то до полночи свинцовой
 Мать, подавляя боль и грусть,
 Стихи Некрасова, Кольцова
 Мне говорила наизусть.
 Стучался ветер в дверь, в ворота,
 Но, в мир поэзии влюблен,
 Я в этом сказочное что-то
 Ловил, угадывал сквозь сон.
 Мне до сих пор все это мило:
 Картинки те из букваря,
 Метель, что окна серебрила,
 Со мной стихами говоря...

Как-то, помню, из Ясной Поляны
 Вместе с грустью задумчивых строк
 Получил я от друга неожиданно
 Золотистый кленовый листок.
 Угловат, невесом и неярок,
 Отзвенел на ветру и увял...
 Но как дорог мне этот подарок,
 Как он сильно меня взволновал!
 С юных лет представлял я Толстого
 Мудрецом, величайшим творцом.
 Для меня он был вроде святого
 С бородатым и строгим лицом.
 А сегодня живого живее
 Я увидел властителя дум
 Просто старцем на летней аллее,
 Где и солнце, и лиственный шум.
 Одиноких раздумий любитель,
 Он гуляет. Вблизи никого.
 И зеленая эта обитель —
 Не музей, а усадьба его.
 Вот присел на скамейку под кленом
 В светлом мире деревьев и пчел,
 Вскинул брови и взглядом влюбленным
 Все вокруг, как хозяин, обвел.
 ...Скрылось солнце. При ламповом свете
 Он опять за столом, над строкой.
 И не просто старик в кабинете,
 А бессмертный художник Толстой!
 Льну глазами к листку золотому,
 Затаенно гляжу не дыша.
 Вновь как будто к чему-то святому
 Прикасается тихо душа.

Высоты подоблачной союзник,
 Он, кургузый, старенький на вид,
 Не смущаясь кличкой «кукурузник»,
 Деловито в небе тарыхтит.

Мы с далеких лет к нему привыкли,
 Как на друга смотрим своего.
 Будто кто-то мчит на мотоцикле —
 Так сроднились с голосом его.

Пусть не знает подвигов он дивных —
 И ему широкий путь открыт!
 На своих собратьев реактивных
 Безо всякой зависти глядит.

...Вот опять над крышей, мимо флага,
 Озабочен грузом срочных дел,
 Безотказный честный работяга,
 Торопясь куда-то, полетел.

Не его ль поселок ждет рабочий,
 Ждут на стройке ближней и в селе?..
 Неспроста, как видно, дни и ночи
 Он поближе держится к земле.

Когда кузнец без дела,
Заметно: он немолод.
Ничем уже не сгонишь
Морщин с его лица.
Но вот берет он в руки
Большой, тяжелый молот —
Теперь заткнет за пояс
Любого молодца.

Смотри, какая удаль
В ударе, в каждом взмахе!
Кузнец играет силой,
Веселой, озорной.
Лишь огненные брызги
Взлетают, будто в страхе,
Да плющится железо,
Как слиток восковой.

За дверью — сумрак, звезды.
Закат в полях отплавал.
А здесь мехи вздыхают,
В клещах ярится жар.
Весь в отблесках багровых,
Кузнец, как рыжий дьявол,
Стучит по наковальне.
Удар! Еще удар!

Гляжу и восхищаюсь
Работою толковой...
И сам кузнец доволен:
— Ну, как оно? Добро! —

... Вот так бы научиться
Владеть тобою, слово,
Чтоб искры высекало
Послушное перо!

* * *

Неисчислима звездная семья.
И, как гласит
Народное предание,
В том сонме звезд
Есть где-то и твоя,
Твоя со дня рожденья
До скончания.

Живой ее огонь,
Смотри, не сглазь.
Раз он горит —
Недаром, видно,
Тратится.
Узнать бы,
Для чего звезда зажглась,
Поверить бы,
Что долго не закатится.

* * *

Да, важно смолоду найти
В себе призвание к чему-то.
И не сворачивать с пути,
Как ни пришлось бы часом круто.

Наверно, тот и даровит,
Кто верен своему призванью.
Лишь дайте время — удивит,
Придет к достойному признанью.

Бездарен, видно, только тот,
Тщеславыю преданный всецело,
Кто не своим путем идет,
Не за свое берется дело.

Доныне где-то спорят очень рьяно,
Что значит положительный герой,
Каким он — идеальным, без изъяна
Или с изъяном — должен быть порой.
Одни икону видят в идеале,
Другие — всей душой за идеал...
А сам герой когда-нибудь едва ли
Над тем вопросом голову ломал.
Он сверг царя, из мрака вышел к свету,
Трудолюбивый, мудрый, полный сил.
Впервые в мире спутник и ракету
Он смастерил и в космос запустил.
Какой же он? Гадай, кому досужно!
Герой далек от споров о себе.
Он без шумихи делает что нужно,
Судьба страны видна в его судьбе.
Как ни мудри, вопрос давно понятен.
Не об изъянах, спорщик, хлопочи.
Известно всем: и солнце не без пятен,
Но греют мир не пятна, а лучи.

Незаметно дни идут за днями —
То морозы лютые, то зной...
Сколько лет ты, занятый делами,
Не видался с матерью родной?

Каждый год клянётесь вы с женою,
Отпуск взяв, у мамы побывать.
Но настанет время отпускное —
И на юг вы едете опять.

В чем-то ты и тверд, и независим —
Взять бы здесь поставить на своем!
Пишет мать, а сыну не до писем,
Он все занят: — Как-нибудь потом...

Мать иначе долг свой понимала.
В те года, как был ты малышом,
Чуть заплачешь —
К сердцу прижимала
И ни разу в жизни не сказала,
Мол, успею... как-нибудь потом.

Содержание

I

«Зорьки первый мазок...»	5
«Что-то спать этой ночью не хочется...»	6
«Обогнув тальник, полянку...»	7
«Прозрачные сумерки летние...»	8
Рассветное	9
Дом в роще	10
«Гонят стадо. Предзакатный час...»	11
Ливень	12
«На поле пала тень...»	13
С покоса	14
«Когда с людьми испорчу отношения...»	15
Иван Купала	16
«Отгрохотав, гроза ушла на север...»	17
«Вижу с поля, где роса еще, покой...»	18
Зной	19
«Надоело солнцу печь...»	20
В засуху	21
«На миг закрыла солнце мгла...»	22
Перепелка	23
В полдень	24
«Пропахший травами и хвоей...»	25
Ягоды	27
«Бор — зеленая обитель...»	28

«Работой радостной полна...»	29
Голос в поле	30
Я привез...	31
«— Хорошо, наверно, быть поэтом...»	32
На исходе лета	33
«Когда тепло на волоске...»	34
Колосок	35
Осенние думы	36
«Как глуха предзимняя околица...»	37
«С утра в глазах рябят снежинки...»	38
Зимнее утро	39
Вечер в поселке	40
Оттепель	41
«С давних лет с природою...»	43

II

«Апрель сорок первого года...»	47
Лето, 1941	48
Ротный	50
«Недвижны орудья и траки...»	51
Пуля	52
В наступлении	53
«О, сладкое слово...»	54
На постое	55
«Я видел раз воздушный бой...»	56
«Мы жили с весны на степном полигоне...»	57
Сонет	58
Пахарь	59
«Рано поколенью моему...»	60
Аккордеон	61

Луна	65
Танки	66
Свет в окне	67
В разлив	69
«Она любовь другим дарила...»	70
«Могут посчитать...»	71
«Один почет...»	72

III

О России	75
«В поэзии готов стоять горой...»	76
«Как-то раз, простой и свойский...»	77
О простоте	78
«Привыкаем за жизнь ко всему...»	79
«Я люблю, как всякий русский...»	80
В библиотеке	81
«Нет ничего безликого на свете...»	82
«Рано встала, да мало напряла...»	83
«Концерт литературно-музыкальный...»	84
«И я имел когда-то псевдоним...»	85
«Творцы картин, симфоний, книг ли...»	86
«Жил человек... Ну, чем не диво...»	87
«Пушкин — наше небо. Все под ним...»	88
«Бывает состояние души...»	89
«Что мне горы бесценного злата...»	90
«Когда ты спишь...»	91
«Тебя за то благодарю...»	92
«Смолоду друг друга не жалели...»	93
«Если далеко мы...»	94
Счастливая	95

«Опять в саду цветет сирень...»	96
Родные проселки	97
Русский поклон	99
«Звучанье песен старых...»	100
Встреча	101
«Спроси у друга, у родни...»	102
Время	103
«Насильно замуж выдали ее...»	104
«Есть видимость цветения...»	105
«О чем-то мне подумалось когда-то...»	106
«Говорят, унижает, мол, жалость...»	107
«Странная натура у меня...»	108
«В юности не знал ты никогда...»	109
Берега	110
«Красноречивых люди уважают...»	111
Родство душ	112
«Я рос в семье, где добывали...»	113
Кленовый листок	114
«Кукурузник»	115
Кузнец	116
«Неисчислима звездная семья...»	118
«Да, важно смолоду найти...»	119
Положительный герой	120
«Незаметно дни идут за днями...»	121

Михаил Александрович Небогатов

ПЕРЕПЕЛКА

Стихотворения

Редакторы **В. Рахманов, Р. Постоянцева**

Художник **В. Першков**

Художественный редактор **Е. Андреева**

Технический редактор **В. Соколова**

Корректоры **Г. Голубкова, Т. Люборец**

ИБ № 5173

Сдано в набор 06.01.88. Подписано к печати 10.06.88. А 10089.
Формат 70×90/32. Гарнитура литерат. Печать офсет. Бумага
офсет. № 2. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отг. 9,94. Уч.-изд. л. 3,33.
Тираж 10 000 экз. Заказ 793. Цена 40 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Сою-
за писателей РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпро-
ма Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

Небогатов М. А.

НЗ9 Перепелка: Стихотворения. —
М.: Современник, 1988.—125 с.— (Но-
винки «Современника»).

В книгу вошли стихи о фронтовой юности автора, о Сиби-
ри, ее природе и людях.

Целостность мироощущения, доверительная интонация,
умение просто и ясно рассказать о вещах сложных, собы-
тиях иногда трагических, свидетелем и участником которых
был фронтовик М. Небогатов,— все это делает книгу психоло-
гически достоверной.

Н 4702010200-206 188-88
М106(03)-88

ББК84Р7

ISBN 5-270-00223-X